УДК 115:316.324:316.654«711»

ОКОРОКОВА А.С.

Осмысление отношения современного общества к прошлому в социокультурном контексте постмодерна

В статье рассматривается проблема отношения общества к своему прошлому в изменяющихся условиях постсовременности. Анализируются вопросы, относящиеся к пониманию роли памяти в формировании индивидуального и коллективного сознания. На основе философского осмысления социокультурного контекста постмодерна выявляются его основные характеристики, детерминирующие представления о прошлом.

Ключевые слова: прошлое, память, сознание, время, модусы времени, отношение, представление, система, постмодернизм, современное общество, ризома, децентрация, разрыв, номад.

Современный российский человек живет в эпоху, которую многие исследователи именуют эпохой постмодерна, подразумевая под этим названием общий тип мировоззрения, свойственный духу нашего времени. Нередко этот период определяют как переходный и незавершенный в связи с тем, что глобальная нестабильность и многообразные кризисы еще только набирают обороты. Они касаются практически всех секторов культуры: науки, религии, искусства, политики, экономики.

Причины болезненного состояния нашего социума нужно искать не только в явлениях экономического и социального характера, но и в более глубоких духовных феноменах, оказывающих непосредственное влияние на формирование индивидуального и коллективного сознания. Изменившееся отношение индивида и общества к времени, особенность его понимания, переживания и использования является одной из таких причин. Это и не удивительно, так как все сферы жизнедеятельности человека и общества погружены во время и в значительной мере определяются временем. Отношение к времени формирует определенный тип мировоззрения, на основе которого выстраиваются взаимоотношения субъекта с окружающим миром. Рассмотрение таких вопросов, как восприятие, переживание, понимание и осмысление темпоральности, может существенно облегчить задачу решения многих проблем, непосредственно связанных с жизнью отдельного человека и общества в целом. В рамках данной статьи мы не можем охватить все стороны темпоральности, поэтому сконцентрируем внимание на одном из модусов времени, на прошлом. Говоря более конкретно, мы будем, учитывая социокультурный контекст, рассматривать проблему отношения современного общества к своему прошлому.

На протяжении истории отношение общества к своему прошлому претерпевало различные изменения. В традиционном обществе, как известно, доминировала верность традициям и идеалам прошлого. Индустриальное общество ориентировалось на прогрессивное будущее, тем не менее связь с прошлым не обрывалась, так как изучение прошлого давало основу для прогнозирования грядущих событий. В современную эпоху мы наблюдаем тенденцию к разрыву с традициями и культурой предшествующих поколений. Как это отражается на качестве жизни

нашего современного общества? Нуждается ли оно в исторической памяти и сохранении традиций? Ответы на эти вопросы весьма неоднозначны. С одной стороны, держась за прошлое и оглядываясь назад, человек затрудняет прогрессивное движение, отягощаясь ношей памяти об ушедших событиях. Но, с другой стороны, опыт прошлого позволяет не совершать прежних ошибок и заново не изобретать велосипед, тем самым экономя время для дальнейшего продвижения и развития. Однако наш век, перегруженный информацией, оставляет все меньше места в коллективной памяти для событий минувших дней, ускоряющийся ритм жизни не дает времени на осмысление опыта прошлого. Каким образом это сказывается на качестве жизни современного человека?

Для того, чтобы раскрыть суть данной проблемы, нам необходимо рассмотреть ряд вопросов, касающихся самого прошлого. Что такое прошлое? Каким образом оно отображается в нашем сознании? Какое значение имеют представления о прошлом в жизни человека и общества? Затем нам необходимо рассмотреть отличительные особенности постмодернистского общества и то, каким образом они оказывают влияние на формирование представлений о прошлом, на основании которых выстраивается определенное отношение к данному модусу времени.

Мы не случайно используем термин «представление». Дело в том, что при попытке прояснить онтологический статус прошлого, его взаимосвязь с другими модусами времени и наши познавательные возможности в исследовании данного феномена мы сталкиваемся с его амбивалентностью. С одной стороны, прошлое – это то, чего уже нет. С другой стороны, оно находится в тесной взаимосвязи с событиями настоящего и так или иначе все же присутствует в бытии. Например, по утверждению Августина Аврелия, благодаря таким умственным функциям, как память, внимание и ожидание, объективное время представляется для субъекта как наличие трех времен: настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. И все-таки по своему онтологическому статусу прошлое уступает настоящему, так как последнее представляется нам более реальным и ощутимым. Л.Н. Любинская и С.В. Лепилин отмечают в связи с этим, что данные модусы времени находятся в различных когнитивных полях, связанных с различными познавательными практиками. Настоящее располагается в поле имманентности, и содержащиеся в нем объекты могут исследоваться эмпирически. Прошлое и будущее относятся к полю трансценденции, где эмпирическое исследование уже невозможно[1].

Для характеристики модусов времени Л.Н. Любинская и С.В. Лепилин используют классификацию представлений, предложенную известным римским стоиком Эпиктетом. Основанием этой классификации является наличие представлений как о том, что существует, так и о том, чего не существует: «Настоящее есть, оно существует в реальности, и есть средства для того, чтобы составить представления о настоящем, – это опыт. ...Что касается модусов прошлого и будущего, то ...это тот случай, когда самого объекта нет, но представления о событиях прошлого и будущего существуют»[2]. Таким образом, рассматривая прошлое, мы отдаем себе отчет в том, что предмет нашего изучения больше относится к области теоретического знания, нежели эмпирического. И самое главное – это то, что мы имеем лишь представления о прошлом, на основе которых к нему выстраивается определенное отношение, поэтому здесь важно учитывать социокультурный контекст, в котором формируются эти представления.

Но сначала попытаемся прояснить, чем является прошлое и какую роль оно играет в жизни отдельного индивида и общества в целом.

С позиций системного подхода прошлое является неотъемлемой частью времени. Время здесь понимается не как абстрактная философская категория, а как конкретный феномен, своего рода система, имеющая сложную, многоуровневую структуру, включающую в себя все процессы жизнедеятельности. Таким образом, время характеризуется как стационарная система, в которой гарантом стабильности является сам процесс замены одних событий другими[3]. Событийная процессуальность

осуществляется в определенном хронологическом порядке, образуя тем самым такие модусы времени, как прошлое, настоящее и будущее. Они, в свою очередь, отображаются в человеческом сознании при помощи различных способностей нашего ума. Прошлое воспроизводится посредством памяти, будущее – воображения, настоящие – внимания. Эти функции сознания, так же как и модусы времени, качественно различаются между собой. В то же время в совокупности они представляют целостную систему восприятия субъекта, на основе которой формируются его представления о мире и вырабатываются способы взаимодействия с миром. Здесь становится очевидным, что «деятельность полноценного, здорового, нормального человека обязательно должна быть связанной с адекватной реакцией на все модусы времени»[4].

Человек не существует отдельно от другого человека. Люди, непрерывно взаимодействуя, образуют целостную систему, напоминающую огромный организм, здоровое функционирование которого зависит от качества составляющих его элементов. Применяя такую аналогию, рассмотрим значение опыта прошлого для человека и общества на примере простейших организмов. Для этого мы воспользуемся исследованиями известного французского философа Анри Бергсона, уделявшего особое внимание такой функции сознания, как память.

Память формирует наши представления о прошлом. Именно она может вернуть статус бытия тому, чего уже нет. Как отмечает Бергсон: «Удерживать то, чего уже не существует, предвосхищать то, чего еще не существует, – вот, следовательно, первая функция сознания»[5]. Нужно сказать, что способность живых организмов к запоминанию уникальна. Для любого биологического организма феномен сохранения прошлого имеет первостепенное значение, являясь необходимым условием эволюционного прогресса. Накопление опыта в резервуарах памяти предоставляет живым организмам возможность приспосабливаться к изменяющимся условиям окружающей среды. «…В повседневной жизни все организмы – от амебы до розового куста или человека – исходят из опыта…»[6]. Чем выше способность того или иного организма к сохранению этого опыта, тем выше уровень его развития и осознанности. Само сознание определяется Бергсоном через память: «сознание прежде всего означает память..., память – сохранение и накопление прошлого в настоящем. ...память существует, или же не существует сознания»[7]. В своем произведении «Материя и память» он показывает, что переход простейших организмов к более сложному уровню их организации осуществляется благодаря возможности выбирать реакцию на внешние возбудители. «…нервная система, от низших животных к высшим, ориентирована на все менее и менее однозначно заданное действие...»[8]. Этот выбор реакции обусловливается более сознательным восприятием, которое, в свою очередь, базируется на усложняющейся организации нервной системы, способной запоминать: «…нет такого восприятия, которое не носило бы на себе печати воспоминаний»[9].

Как мы уже отметили, человеческое существо представляет собой наиболее сложно организованную систему, непрерывно взаимодействующую с другими системами и обладающую развитыми механизмами памяти. Эти механизмы проявляются в синтетическом единстве таких разновидностей памяти, как зрительная, слуховая, моторная, вербальная, семантическая, эмоциональная, образная, оперативная, генетическая, а также мгновенная, кратковременная и долговременная память. Обладая сложной внутренней организацией, человек поднимается над своим биологическим уровнем и включается в сферу нематериального, духовного бытия. Здесь мы видим, что прошлое, удерживаемое нашим сознанием, оказывает непосредственное влияние на то, кем мы являемся на данный момент времени, и, возможно, на то, как мы реализуем себя в будущем. Как замечает известный нейрофизиолог Стивен Роуз: «Память определяет нашу индивидуальность и заставляет действовать тем или иным образом в большей мере, чем любая другая отдельно взятая особенность нашей личности»[10].

Однако способность к запоминанию не ограничивается индивидуальным сознанием. По мнению французского психолога XIX века Пьера Жане, память не является необходимым атрибутом отдельного человека. Здесь он спорит с Бергсоном, выдвигая следующее утверждение: «Память считалась индивидуальным актом. Бергсон допускает, что отдельный человек обладает памятью. Я так не считаю. Один человек не обладает памятью и в ней не нуждается»[11]. Для этого исследователя память представлялась в первую очередь как социальный акт, необходимый для взаимодействия людей в условиях отсутствия чего-либо. «Борьба с отсутствием является целью и основной характеристикой памяти»[12]. В небольшом исследовании «Эволюция памяти и понятие времени» он пишет о том, что Робинзон на своем необитаемом острове, по сути, совсем не нуждается в ведении дневника и фиксации даты. Он это делает только потому, что надеется в будущем вновь оказаться в социуме. В противном случае, утверждает Жане, все это бесполезно[13].

Как раз здесь мы переходим непосредственно к нашей проблеме – отношения современного общества к прошлому.

Если следовать логике Жане, то по пути эволюции человеческое общество расширяло свою память от взаимодействия внутри рода, племени, затем города, государства и, по идее, должно было дойти до планетарных масштабов. Но если мы берем в рассмотрение наше современное общество, то, по всей видимости, наблюдается процесс ослабления коллективной и исторической памяти. Большая часть представителей молодого поколения не знает истории не только других государств и их культур, но и своей страны, своего города и даже своей семьи. Почему же, несмотря на прогрессивное развитие нашего социума, мы наблюдаем феномен ослабления коллективной памяти? Как нам видится, в этой ситуации важную роль играет тот факт, что, несмотря на усовершенствованные коммуникативные возможности, люди существуют обособленно друг от друга. Если человеку прошлого для того чтобы выжить была необходима сплоченность, то наш современник становится независимым не только от природы, но и от другого человека. Возникающая таким образом разобщенность меняет формы коллективной и индивидуальной памяти, а также отношение к своему прошлому и истории.

Изменения, которые происходят в современном обществе, связаны в первую очередь с интенсивно развивающейся и совершенствующейся техникой. Появились Интернет, сотовая связь, телевидение, что привело к увеличению объема и скорости информационных потоков. За очень короткий промежуток времени стало возможным получить или передать большой объем информации. Более того, эта информация может передаваться одновременно многим адресатам, беспрепятственно преодолевая внушительные расстояния. Личные контакты между людьми теперь утрачивают свое прежнее значение. В столь интенсивно развивающемся мире нет времени интересоваться жизнью других и тем более прошедшими событиями.

В соответствии с указанными тенденциями многие исследователи характеризуют наше общество как постиндустриальное, информационное или сетевое. Подобные определения органично вписываются в контекст постмодернистской философии, наиболее релевантно выражающей дух современной эпохи. Для образного представления постмодернистского сознания в данном дискурсе используется специфическое понятие «ризома», которое мы также будем применять для характеристики темпоральности современного общества. Этот термин французского происхождения был заимствован Жилем Делезом и Феликсом Гваттари из ботаники. Он означает «определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих и регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии побегов»[14]. В сфере философии термин «ризома» указывает на принципиально неструктурный и нелинейный способ организации целостности, способной принимать бесконечное множество конфигураций. Подобный способ организации характерен для современного общества и его

темпоральности, что в сущности меняет отношение к временной модальности и ее последовательности.

Во-первых, здесь мы сталкиваемся с характерным для ризомы принципом децентрации, нарушающим упорядоченность и симметрию. Эта категория подробно разработана в трудах Деррида как антипод структуры, где принцип центрации пронизывал буквально все сферы умственной деятельности европейского человека. В философии постмодерна децентрация снимает какие бы то ни было бинарные оппозиции, в том числе противостояние прошлого и будущего. Казалось бы, здесь можно возразить, ведь очевидно, что все процессы подчинены единому ходу времени, а настоящее занимает в нем центральное положение между тем, что было, и тем, что будет. Однако совершенно очевидно и то, что время – величина относительная и существует бесконечное множество временных потоков, каждый из которых имеет свою ускользающую точку настоящего момента. Таким образом, происходит систематическое перемешивание времен, характерное для ризоморфной среды. Как отмечает американский социолог испанского происхождения Мануэль Кастельс: «…каждый момент времени оказывается одновременно «раньше» и «позже», «до» и «после». Время не может больше иметь форму чередования дней и ночей, оно является чередованием событийных отрезков, в которые нечто “успевается”»[15]. Поэтому в современной культуре мы наблюдаем тот факт, что прошлое теряет свой онтологический статус. Оно, как и само время, становится эфемерным.

Отсутствие центра объясняется также невозможностью выделения в ризоме фиксированных точек, так как каждая из них представляется ускользающей линией с различной степенью ускорения и замедления, но в любом случае не имеющей возможности остановиться. По своей сути ризома гетерогенна, так как ни одна точка ее динамичной среды не имеет привилегий перед другими. В соответствии с такими представлениями любой момент времени (прошлое, настоящее или будущее) теряет какую-либо ценностную нагрузку. В различные эпохи всегда выделялся некий аксиологический центр, который находился в определенном модусе времени. Например, традиционное общество размещало его в прошлом, а индустриальное было ориентировано на будущее. В парадигме постмодернизма центр, имеющий аксиологическое содержание, отсутствует даже в настоящем.

В качестве еще одного фундаментального принципа процессуальности бытия ризомы, позволяющего осмыслить отношение современного общества к прошлому, выступает категория «разрыва». Этот феномен является механизмом прерывания линейного вектора развития, открывающим новые возможности становления нашей реальности. В отношении прошлого разрыв нам представляется как утрата связи с предшествующим поколением, его традициями и культурой. В результате мы имеем дело с совершенно новым типом человеческой личности, именуемым в лоне постмодернистской философии «номадом», что в переводе означает «кочевник». То есть это человек, кочующий в социокультурном пространстве и тем самым обрывающий связь со своим прошлым, так как именно оно обладает свойством прорастать и связывать человека с определенным местом. Номады «не имеют ни прошлого, ни будущего, они только появляются и всегда становятся, имея не историю, но широкую географию и лабильное размещение»[16]. Таким образом, утрачивая связь с прошлым, человек лишь скользит по культурной поверхности, не проникая в суть тех культурных феноменов, с которыми имеет возможность ежедневно соприкасается.

Ж.-Ф. Лиотар, размышляя об особенностях жизни постсовременного человека, писал: «…по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в Mcdonald’s, на обед – в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и носят одежду в стиле ретро в Гонконге»[17]. В результате мы приходим к разорванному, эклектичному способу существования и видения мира. Это, в свою очередь, порождает феномен коллективной амнезии. По словам известного философа прошлого века Ханны Арендт: «нить традиции оборвана, … мы не будем

в состоянии восстановить ее. Что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, – все же прошлое, но прошлое уже фрагментированное»[18].

Хотелось бы еще немного остановиться на феномене фрагментированного, разорванного прошлого. Дело в том, что это не только специфическая особенность нашей эпохи. Американский нейробиолог С. Роуз, много лет занимающийся изучением механизмов памяти, отмечает, что нелинейность и фрагментарность воспоминаний о прошлом является специфической особенностью нашего сознания восстанавливать минувшие события. Он пишет: «воспоминания – это не ряд последовательных событий, а скорее похожи на “фотографии”, только дополненные осязательными ощущениями, звуками и запахами»[19]. Наши индивидуальные воспоминания не располагаются в четко определенной последовательности и не имеют жесткой фиксации. Аналогичная ситуация наблюдается и с коллективной памятью. История отдельного народа и тем более всего человечества не может вместиться в индивидуальный опыт, поэтому человечество сохраняет ее в текстах, изображениях и многих других культурных артефактах. На сегодняшний день мы имеем мощные технические средства для того, чтобы сохранить историю, – фотография, киносъемка, видео– и аудиоаппаратура. Но, к сожалению, этого недостаточно для восстановления точной и непрерывной последовательности событий минувшего. Более того, как отмечает С. Роуз, «…современная техника коварно устраняет барьеры между фактом и вымыслом», а также, продолжает свою мысль автор, «… камеры и создатели фильмов могут переделывать историю, т. е. коллективную память, по повелению Большого Брата с дырой в памяти…»[20].

В современную эпоху мы наблюдаем активное распространение всевозможных техник амнезии. Примером может служить телевидение, формирующее у индивида «клиповое» мышление, настроенное на короткие, но запоминающиеся фрагменты информации. Эти фрагменты, в свою очередь, можно выстроить в нужной последовательности, придав им тем самым иное смысловое содержание. Более того, сама информация, транслируемая посредством масс-медиа, зачастую оказывается ложной. «Ситуация складывается так, что средства массовой информации фактически перестают отражать действительность, а сами творят образы и симулякры, которые, собственно, и определяют реальность нашей культуры»[21]. Таким образом, различного рода фантомы, порождаемые современной эпохой, вытесняют из коллективной памяти события прошлых лет или же представляют их в ложном свете. Это приводит человека к дезориентации в жизненном пространстве и подмене реального мира иллюзорным.

Таким образом, восприятие современного человека искажает реальные события, что, в свою очередь, указывает на серьезные нарушения такой функции общественного сознания, как память. Если исходить из предпосылки, что наша память является основой для формирования как отдельной личности, так и всего общества, то напрашивается вывод: одной из причин глубочайшего кризиса современной культуры является вытеснение из коллективной памяти значимого для развития человечества опыта прошлых поколений.

Мы сравнивали социальное устройство с организмом, здоровье которого обеспечивается здоровьем и согласованностью составляющих его элементов. Современное общество утрачивает свою целостность, разбиваясь на множество самостоятельных фрагментов, что приводит к нарушению его функционирования и развития. Это выражается в расстройстве коллективной памяти, что уже говорит о болезни нашего социума. Ценностные ориентиры, некогда объединяющие и стимулирующие общественное развитие, рассыпались на множество сомнительных направлений. Такая тенденция не имела бы негативный оттенок при условии, что каждый человек как представитель общественного устройства обладал бы высокой степенью сознательности для принятия самостоятельного выбора. Но в ситуации разрыва со своим прошлым это сделать практически невозможно. Отдельный человек, не укорененный в собственной культуре и не знающий опыта своих предшественников, теряет способность к осознанному существованию.

Он уподобляется простейшим одноклеточным организмам, выдающим мгновенные реакции на внешние возбудители и не способным к рефлексии своей бытийственности. Такими возбудителями в наше время выступают сиюминутные желания и потребности, осознание которых в нарастающем темпе жизни становится все менее доступным современному человеку, превратившемуся в удобный объект для различного рода манипуляций, которые направлены отнюдь не на его развитие и процветание. Вместо того чтобы ассимилировать накопленный опыт и действительно идти по пути прогресса, сознание и память засоряются несущественными и, как правило, вымышленными сюжетами, уводящими от осмысления насущных проблем нашей жизни. Без памяти о прошлом общество не может надеяться на «светлое будущее». Как писал Бергсон: «Чем значительнее доля прошлого, сохраняемая в его настоящем, тем тяжелее масса, которую он толкает в будущее, чтобы оказывать влияние на готовящиеся события: его действие подобно стреле, с тем большей силой устремляется вперед, чем больше устремлено назад его представление»[22]. Общество, рвущее нить истории, не способно осознанно выбирать направление своего пути, по которому будет развиваться.

[1] Любинская Л.Н., Лепилин С.В. Проблема времени в контексте междисциплинарных исследований. Послесловие А.И. Уемова. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 59–60.

[2] Там же. С. 60–61.

[3] Там же. С. 27.

[4] Там же. С..51.

[5] Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь [пер. с фр.]. М. :Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 30.

[6] Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию: Пер. с англ. М.: Мир, 1995. 384 с., ил. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://evolution.powernet.ru/library/rose.htm

[7] Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь [пер. с фр.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 29.

[8] Бергсон А. Материя и память. Опыт о непосредственных данных сознания. Собр. соч. Т.1. С.159–317//[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000978/index.shtml

[9] Там же.

[10] Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию: Пер. с англ. М.: Мир, 1995. 384 с., ил. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://evolution.powernet.ru/library/rose.htm

[11] Жане П. Эволюция памяти и понятие времени. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.psychology-online.net/articles/doc-1620.html

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Емелин В.А. Глобальная сеть и киберкультура // [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://emeline.narod.ru/index.html 1999 г.

[15] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://do.gendocs.ru/docs/index-352435.html?page=48#7941172

[16] [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.philosophydic.ru/nomadologiya

[17] Цит по ст. Рождество в эпоху постмодерна [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.adelaja.com/rozhdestvo-v-epohu-postmoderna.html

[18] Цит по М.А. Можейко. Постмодернизм. Энциклопедия. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/index.html

[19] Роуз С. Устройство памяти. От молекул к сознанию: Пер. с англ. М.: Мир, 1995. 384 с., ил. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://evolution.powernet.ru/library/rose.htm

[20] Там же.

[21] Емелин В.А. Технологии симуляции в постмодернистской политике. //[Электронный ресурс]: Режим доступа: http://emeline.narod.ru/policy.htm

[22] Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь [пер. с фр.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 399 с. С. 36.